

Он вернулся в свой город

В Уфе состоялся фестиваль памяти Рудольфа Нуриева

Происходящее в эти дни в столице Башкортостана можно рассматривать по-разному. Премьера «Тихтой предосторожности» в Уфимском театре оперы и балета; гастроли труппы «Григорович-балет» и Московского малого симфонического оркестра под управлением Александра Мавренюка; мемориальная акция художественной интеллигенции в честь Рудольфа Нуриева... Печальная утрата словно замкнула, собрала в единый аккорд множество больших и малых обстоятельств.

Государственный театр оперы и балета реконструируется, с репертуаром и труппой сложности, люди сюда не стремятся, общая жизненная апатия населения, танцевать классику в полном ее объеме невозможно, физически не хватает артистов на сцене и в оркестровой яме.

И вот — рыбок. Казалось бы, совершенно идеалистических, сомнительных с точки зрения скорого результата. И вот — неожиданный результат.

«Тихтая предосторожность», самый ранний из балетов классического наследия, столь часто употреблялся в дело, что постановщик Юрий Григорович решил наконец понять его исходные авторские черты. Со своим младшим товарищем по хореографическому делу Андреем Мелашкиным, солистом балета Большого театра (и с недавнего времени дипломированным балетмейстером), они занялись редактурой и реставрационной работой. Решено было сохранить достоверные авторские фрагменты Добервалье, малоизвестную хореографию Черро, дуэты Горского, но основную линию балета выстроить по законам сегодняшнего восприятия.

Прелестная наивность балетной старины расцвела в остроумных танцах солистов Х. Мустаева, Л. Шапкиной. Д. Доможирова, динамичной партии кордебалета, в живописном богатстве декораций Дмитрия Чербаджи. Репутация «Тихтой» как простой и незамысловатой тут стояла нешуготного труда. Известие далось ценой немалых усилий.

...Григорович всегда исчезает внезапно и внезапно является. У него свой ритм и планы.

Но чтобы он вдруг всмал в Уфе? Да после сложнейших полугорамасичных гастролей Большого балета в Лондоне, закончившихся полпой и безоговорочной победой его труппы. Но факт: от берегов Темзы, через двухдневный отдых в Москве, он проследовал

к берегам реки Белой, или, как ее называют в Башкортостане, Агидель.

Далее, как обычно, происходит следующее: профессор осматривается на месте, делает ряд внушительных распоряжений и несколько звонков. Иногда один. Говорит просто: «Я Григорович. Так вот...» И далее все вокруг приходит в волнение — люди откладывают бюллетени, движется то, что тихо лежало, загорается то, что тлело, самолеты взлетают, нужные люди подтягиваются, средства находят. Нечто похожее повторилось в Уфе, и к объявленному сроку «Тихтая предосторожность» пошла.

Зачем все это нужно было Григоровичу?

Первый и вполне объяснимый допуск — в знак памяти о Рудольфе Нуриеве. Уфу всколыхнула скорбная весть о смерти танцовщика. Она породила волну воспоминаний, газетные публикации, прошел вечер в Союзе театральных деятелей. Активность эту несколько остудила заметка в «Вечерней Уфе». Автор, загадочная «И. К.», проникновенно предупреждала общество от излишней шумихи вокруг имени Нуриева, которая суть пошлость. Ибо нельзя вдруг, так быстро прозреть, нельзя вдруг всем переходить на свойское «Рудик», театральную скорбеть по человеку, который был скорее далек им всем. С Уфой связь оборвалась рано, творчество прошло перед глазами других зрителей, мы толком ничего не видели, танец его, увы, рассеян в отдельных воспоминаниях и фантастических преданиях.

Один из тех людей, кто имеет подлинное право говорить о Нуриеве в рамках задуманной мемориальной акции, как раз Григорович. Рудольф был первым Ферхадом в «Легенде о любви». Танцовщик и хореограф выдвинулся за границы. В 1988 году Григорович лично познакомил Нуриеву получить визу в Россию, чтобы тому успеть к умирающей матери. Разрешили пробыть 72 часа. Он летит и почти не застает мать в сознании, она уже не узнает его. Нуриев навещает свою бывшую школу, ныне хореографическое училище, — его не пускают туда. Он идет посмотреть театр, тот, что задел его мальчишеское воображение и подтолкнул к артистической карьере и где спустя годы он немного поработал в мимическом ансамбле. Он идет в театр — по трагической иронии там выходной, двери затворены...

За месяц до кончины Рудольф Нуриев посылает Гри-

горовичу приглашение на свою премьеру, последнюю, в «Гранд Опера». Из ложи на «Ваялкой» наблюдают трое ленинградцев: Ниналла Кургапкина, замечательная балерина, ныне педагог (она помогала своему бывшему партнеру в работе над балетом), рядом Юрий Григорович и Рудольф Нуриев, он уже не может сидеть — лежит.

Перед отъездом в Москву Юрий Николаевич зловит Нуриеву, поздравляет с успехом, прощается, спрашивает о ближайших шагах. Нуриев отвечает: «Хочу продаться». — «То есть?» — «Хочу еще что-нибудь поставить или чем-нибудь продизжировать...» Было ясно, в Нуриеве уже в полный голос говорила его болезнь. Он преодолевал ее 14 лет. Врачи открыли ему его диагноз еще тогда, когда о СПИДе не было достоверно известно, когда самая болезнь не идентифицировалась так трагически просто, как сейчас. Он, как известно, неоднократно переливал кровь. И вот все было кончено. Взрыв сокрушенной риторики в прессе (включая ту, что имя его слышала впервые), фильмы, вечер на 40 дней.

Как легко присоединиться к волне и плыть по течению. Но для Григоровича это противоестественно. В гастрольной афише молодежной студии Большого театра стоит только скромная рубрика — «Памяти Рудольфа Нуриева».

Когда закончили спектакль и на сцену вышел maestro танца, то зал встал и аплодировал вполне по-лондонски, по-парижски, по-московски — как хотите. На Юрия Григоровича надели елан — ручной работы халат, древнюю священную башкирскую одежду, в которую обряжают поэтических пророков, сказителей, курантов (курай — тростниковая флейта).

Удивительным на празднике в Уфе было и то, что никто его ничем не испортил. Ни лесть, ни месть, ни подобострастия, ни праздных домислов. Об ушедших и об отсутствующих — ни одного дурного слова.

Только неожиданные — и светлые — воспоминания являлись по своей логике. Перед премьерой «Тихтой предосторожности» кто-то сообщил, что Рудольф Нуриев, маленьким, станцевал в ней первую большую партию. Еще на сцене Дворца пионеров.

Память искусства и его сегодняшняя жизнь рифмуются вот так внезапно.

Александр КОЛЕСНИКОВ.
Уфа.